

Мартин О'Нил подал в отставку и пробыл в команде "Форест" всего два месяца. Я несколько не удивлен. Я даже думал, что он уйдет немного раньше.

Плохие результаты - не самый большой враг для менеджера английской премьер-лиги, а грубое вмешательство высшего руководства клуба. Когда вы последний человек в команде, который знает факты, какой смысл оставаться там? Для владельца клуба менеджер может быть просто работником, которого можно нанять за деньги. Что ж, я с большим удовольствием буду ждать, какого менеджера сможет заполучить председатель совета директоров "Ноттингем Форест", чтобы стать его марионеткой".

Это были первые два абзаца колонки Твена для газеты Evening Post. Это было его открытое письмо.

После почти месячного молчания колонка Твена снова открыла огонь. На этот раз она была нацелена на его бывшего работодателя, "Ноттингем Форест".

Он взорвался энергией, как только открыл рот. Это было не просто обличение людей. Он также впервые раскрыл в колонке истинную причину, по которой он изначально решил не продлевать свой контракт:

"... Когда Пепе перешел в "Милан", я мог понять, что чувствовал Мартин О'Нил. Потому что год назад, когда Леннон перешел в миланский "Интер", я столкнулся с точно такой же ситуацией, как и он. Если бы не тот факт, что я давно бросил пить, думаю, я бы позвонил ему и пригласил выпить вместе - посмотрите на нас, двух бедных менеджеров.

На самом деле, после ухода с этой должности у меня накопилось много вещей, которые я хотел сказать. Но в то время Мартин О'Нил только что возглавил команду. Я не хотел слишком много говорить о команде, которую я больше не тренировал. Это могло бы повлиять на нового менеджера и команду, если бы я это сделал. Я несколько не сомневаюсь в своем влиянии на команду. Да, я очень уверен в этом.

Я решил промолчать, так как думал, что так будет лучше для команды.

Но теперь все изменилось, и О'Нил тоже подал в отставку.

Я не думаю, что положение команды Forest может стать еще хуже, поэтому я решил позволить вам услышать слова, которые зарыты глубоко в моем сердце.

Жизнь и работа состоят из множества деталей. И эти детали часто упускаются из виду. Но я человек, которому важны детали. Что касается трансфера Леннона, то я увидел то, чего больше всего не хотел видеть: высшее руководство клуба привыкло вмешиваться в дела команды. Это должно было быть категорически запрещено в устном соглашении между мной и Эваном Дафти. Но за последние одиннадцать лет первоначальное устное соглашение перестало быть обязательным. После этого я понял, что такая ситуация со временем будет только усугубляться, изводя меня до полного изнеможения. Подобно тому, как сегодня поступил Мартин О'Нил, я решил уйти в самое славное время. Возможно, это также позволило бы всем прекрасно видеть мою удаляющуюся фигуру. Но теперь кажется, что, возможно, тихий уход не достиг такого эффекта, я пытался быть умным, и это закончилось неудачей...

Я должен извиниться перед болельщиками, которые по-прежнему глубоко любят "Ноттингем Форест" и были задеты моим отношением. Мне жаль, что я не могу продолжать тренировать "Ноттингем Форест". Если бы я мог, я всегда хотел закончить свою тренерскую карьеру именно там. Однако нынешняя обстановка мне не подходит. Но где бы я ни был, моя любовь к

"Ноттингем Форест", моя любовь к вам всем никогда не изменится...".

The Nottingham Evening Post ловко разместила изображение подавшего в отставку Мартина О'Нила и руководство по содержанию открытого письма Твена вместе на первой странице специального выпуска для сравнительной характеристики. Это также напомнило всем читателям, купившим экземпляры специального выпуска, о том, что обсуждалось в номере.

История двух людей, покинувших "Ноттингем Форест".

Заголовок на первой странице также был наполнен смыслом:

Они приходили один за другим и уходили один за другим.

Подтекст указывал непосредственно на клуб. Это было то, на что хотел намекнуть Пирс Броснан.

Открытое письмо, которое написал Твен, было очень длинным. Оно занимало полстраницы. Твен не знал, сколько слов он написал. В любом случае, он продолжал писать то, что хотел выразить от всего сердца. Когда он закончил печатать то, что было у него на уме перед компьютером, его руки так болели, что он не мог их распрямить.

Для болельщиков "Ноттингем Форест" эта статья была взрывоопасной, как если бы американские военные сбросили атомную бомбу на Хиросиму, Япония в то время. Если поместить ее рядом с новостью об отставке Мартина О'Нила, это было еще более шокирующим - как будто было две атомные бомбы, одна из которых попала в Нагасаки.

□□□

Мартин О'Нил объявил сегодня утром, что он уже подал заявление об уходе с поста менеджера "Ноттингем Форест". На данный момент нет никакого ответа от высшего руководства клуба на его заявление. Наш репортер нашел О'Нила, который собирается уходить, у ворот Уилфорда...".

На шумном и зыбком изображении, показанном записью с камеры, О'Нил стоял у двери своего автомобиля, чтобы ответить на вопросы репортеров:

"Моя отставка была одобрена... Это не имеет никакого отношения к Тони Твену... Я полагаю, что скоро объявят пресс-конференцию...".

Сцена была шумной, и его голос не был слышен отчетливо, но основной смысл все же был выражен.

Группа людей, выпивавших в баре "Лес", ошеломленно смотрела на висевший на стене жидкокристаллический телевизор с большим экраном. Более двух месяцев назад они смотрели на этом же месте новость о внезапном уходе Тони Твена, а теперь увидели, что Мартин О'Нил сегодня снова внезапно подал в отставку..... Их мозг потерял способность мыслить. Они не знали, какое мнение высказать по этому поводу.

Пожалуй, первая реакция Билла была самой верной. Он просто произнес ругательное слово "F**K". Теперь было известно, в адрес кого он проклял. Был ли это Мартин О'Нил, который подал в отставку? Или председателя клуба? Или репортера, сообщившего новость, которая испортила ему день? Или... это был он сам?

Новости продолжались, и тут кто-то хлопнул входной дверью.

В дверь ввалился толстяк Джон и вошел, неся в руках кипу газет.

Увидев, что Билл стоит в оцепенении перед телевизором и смотрит новости, он рассмеялся и подошел к нему. Он положил газету на стол, где находился, а затем подошел к следующему столу, чтобы выпустить газету. После того как он положил газету на каждый столик в баре, у него на руках остался только один экземпляр, который принадлежал ему.

Кто-то заметил его необычное поведение и спросил: "Куда ты идешь, Толстый Джон? Я выпью, если вы угощаете. Но я не буду читать газету, которую ты купил".

Джон прислонился к стойке бара, попросил выпить, а затем сказал мужчине: "Разве вы не всегда требуете правды об отставке Тони? Это все здесь". Он указал на газету, лежащую перед другим мужчиной, на которой было написано "специальный выпуск". Это был специальный выпуск, который был выпущен в спешном порядке специально для всего того, что произошло сегодня с командой Форест.

Он только что перестал говорить, когда группа людей, которые только что были оцепеневшими, как деревянная глыба, вдруг бросилась к лежащим перед ними газетам.

Только Билл не двигался. Он перевел взгляд с экрана телевизора и обратил свое внимание на Джона.

Джон улыбнулся ему, отпил из бокала и начал читать газету.

Тон в колонке Твена был более сдержанным, чем когда он вступал в войну с другими обозревателями. Но сила его врожденного сарказма была не меньше.

Сегодня он был в хорошем настроении, что казалось весьма противоречивым на фоне таких новостей. Его восторг не имел никакого отношения к "Ноттингем Форест". В любом случае, Ноттингем Форест уже был в таком состоянии. Не будет ничего удивительного, если случится что-то еще хуже. Его радовало то, что настоящий Тони Твен вернулся. Была еще одна причина, и она заключалась в том, что Тони Твен был именно таким, как он думал. Он никогда не предавал их. Он всегда любил команду и эту группу болельщиков.

Его настроение было таким, словно он знал, что старый друг, с которым он потерял связь на долгие годы, думал о нем. Это согревало его от всего сердца.

Достаточно. Тони. Сделай хорошую работу с национальной командой. Может, я и болельщик "Ноттингем Форест", но я еще и англичанин.

□□□

Прошло всего полдня, но сообщение об отставке Мартина О'Нила и открытое письмо Тони Твена уже распространились по всей Англии. Крупные и мелкие СМИ перепечатали отчет, который можно было считать "грандиозным событием".

Как команда, которая только что выиграла "Требл", даже если бы они уволили грунтовика, это появилось бы в СМИ. Не говоря уже о такой важной новости, как смена двух менеджеров в течение двух месяцев.

Было ясно, что "Ноттингем Форест" оказался втянут в какие-то внутренние разборки... И многим теперь была ясна причина внутренних раздоров - слишком сильное вмешательство высшего руководства клуба в дела команды, что вызвало недовольство двух бывших менеджеров. Поэтому они не стали продлевать контракт и ушли в отставку в знак протеста.

Это было просто прискорбно для игроков и болельщиков, которые обожали "Ноттингем Форест"...

Послеобеденная тренировка того дня проходила под руководством помощника менеджера, и все отвлеклись. Керслэйк хотел продолжить тренировку после обеда, но в последний момент изменил расписание, увидев, как выглядит команда, а затем подумал о репортерах, которые толпились снаружи. Он объявил полдня выходного дня во второй половине дня.

Теперь он беспокоился о том, сколько из этих игроков в итоге останется в команде.

В этот момент он вдруг почувствовал, как ему повезло бы, если бы рядом с ним стоял сильный человек, который мог бы дать ему почувствовать себя в безопасности, а когда он столкнется с трудностями, подошел бы к нему и сказал: "Не волнуйся, Дэвид. Я здесь". Или он усмехался и говорил ему с улыбкой: "У меня есть идея, Дэвид. Хочешь послушать?"

□□□

По дороге домой Вуд получил звонок от Билли Вукса...

"Мартин О'Нил тоже подал в отставку. Вы все еще планируете остаться в такой команде? Мадридский "Реал" предложил вам годовую зарплату в пятнадцать миллионов евро до вычета налогов. Все, что вам нужно, - это подписать его. Это то, что вы будете зарабатывать в течение следующих четырех лет".

Удивительно, но капитан "Форест" на этот раз не стал колебаться и дал решительный отпор своему агенту.

"Нет, я собираюсь остаться здесь".

"Я могу предсказать судьбу этой команды в ближайшие несколько лет - снижение результатов и ущерб репутации. Более того, из-за вражды с другими командами за последнее десятилетие каждый захочет обыграть ранее высокомерного и властного обладателя "Требла". Ваши игры будут сложными. Вполне возможно, что ты не выиграешь чемпионат, Джордж". Вукс спокойно проанализировал минусы пребывания в команде "Форест" для него.

"Мне все равно. Я выиграл достаточно титулов".

Вукс улыбнулся и сказал: "Это правда. Ты завоевал все почести, которые только можно завоевать в качестве игрока клуба. Но я все равно не хочу, чтобы ты оставался здесь. Эван Даути - большой идиот, а его старый друг - меньший идиот. Такая команда не заслуживает твоей преданности. Ты лучший игрок в мире, Джордж. Ты должен играть за лучшую команду и показать всему миру свои способности".

"Ты чувствуешь, что твой доход уменьшится, если я буду продолжать оставаться здесь все время?"

Вукс от души рассмеялся. Ему показалось, что Вуд так мило это сказал. Он смеялся, пока не

закашлялся. Он сказал: "Ха... кхм кхм! Мне не важно, сколько денег я зарабатываю, Джордж. Я забочусь о тебе".

"Думаю, у меня сейчас достаточно денег".

"Но чувствуешь ли ты себя счастливым, играя в такой команде?"

"Я счастлив." ответил Джордж Вуд.

"Ты лжешь, Джордж. Скажи мне настоящую причину, или я с тобой еще не закончил. Я буду звонить тебе посреди ночи каждый день, чтобы сказать, какой клуб приглянулся моему дорогому Джорджу". Старик действительно был похож на непослушного мальчика.

Вуд на мгновение замолчал. Он был почти дома.

Если он продолжит отношения со стариком, будет нехорошо, если его мать спросит об этом. Потому что легко было иметь дело с его агентом, но трудно было иметь дело с собственной матерью.

"Я хочу напомнить тебе, чтобы ты не придумывал никаких отговорок, чтобы обмануть меня. Я перешел больше мостов, чем количество дорог, по которым ты ходила, дорогая".

"Потому что я капитан команды". сказал Вуд.

Вукс думал, что Вуд скажет несколько слов, чтобы объяснить, но Вуд произнес только одно предложение и больше ничего не сказал, что дало ему ощущение, что он остался в подвешенном состоянии. Он сделал паузу и спросил, "И это все? Больше ничего?"

"Это все".

"Почему у тебя возникла такая идея? Капитана команды можно поменять, когда придет новый менеджер. Это ничего не значит. Если они могут привлечь твою преданность, дав тебе капитанскую повязку, то твоя преданность не стоит больших денег... Что с тобой случилось? На тебя повлияли сегодняшние события, дорогая?"

"Со мной ничего не происходит. Я говорю правду. Я капитан и не могу оставить свою команду. Я не хочу бросать кучу людей и уходить в одиночку, как это сделал он!" Вуд редко повышал голос и говорил серьезно.

На этот раз настала очередь Вукса молчать. Он знал, кто этот "он", который вышел из уст Вуда.

"Хорошо, Джордж... Делай, что хочешь, если только ты считаешь, что это к лучшему. Но это такое ужасное оправдание!" Вуд повесил трубку.

□□□

Когда наступила ночь, последние отблески заходящего солнца, задерживающиеся на границе западного неба и горизонта, были хорошо видны за окном благодаря ровной местности в Уилфорде и отсутствию высоких зданий в окрестностях в пределах видимости.

Окруженный густым лесом, Уилфорд излучал чернильную темноту на фоне послесвечения. В это время даже рабочие по уходу за газоном исчезли. Только в кабинете председателя клуба горел свет, пробивающийся сквозь весь Уилфорд.

Эван Дафти стоял перед огромным, от пола до потолка, окном и смотрел в сумерки.

На столе позади него лежала копия газеты Nottingham Evening Post, которая вышла только сегодня днем.

В специальном выпуске было всего четыре страницы, две из которых принадлежали Мартину О'Нилу, а две - Тони Твену.

Он прочитал все страницы с таким спокойствием, которое превзошло все ожидания Аллана. Так называемое "спокойствие", по наблюдениям Аллана, означало, что председатель клуба не ругался сердито, пока читал, не прерывал чтение, а затем сворачивал газету, чтобы выбросить ее в мусорное ведро, не рвал ее на куски и не поджигал зажигалкой, или что-то в этом роде. Он спокойно прочитал все статьи и сидел, не говоря ни слова.

Аллан знал, что с сегодняшнего дня ему предстоит столкнуться с большим количеством прав и неправд. Не стоило беспокоить его в это время. Поэтому он тихо удалился.

На самом деле Эван уже давно оторвался от своих размышлений. Сейчас он скрывался от СМИ. Он знал, что многие СМИ будут надеяться взять у него интервью, даже если клуб уже объявил о пресс-конференции завтра днем. Эти голодные папарацци все еще не были удовлетворены. Они хотели знать больше, и они хотели знать больше внутренней информации. Или... они просто хотели запечатлеть фотографию с паническим выражением лица Эвана Доути.

Когда последний проблеск света исчез под тяжестью ночи, Эван Доути, словно вор, выскочил из темного трехэтажного здания и, держась ближе к стене, проскользнул на парковку. Его водитель, ожидавший его в машине, заснул от ожидания. Ему пришлось постучать в окно машины, чтобы разбудить водителя, который откинул голову на водительское сиденье и пускал слюни из широко открытого рта.

"А? Простите, сэр... Я заснул... Простите...". Запыхавшийся водитель открыл окно машины и другой рукой вытер липкую слюну с подбородка, заикаясь, извинился перед Эваном.

Однако Эван нетерпеливо постучал по двери машины и прервал его: "Открой дверь и езжай домой!".

Когда темно-красная Audi появилась у ворот, у охранника возникла иллюзия, что капот машины живой. Он двигался влево и вправо, как бы наблюдая за ситуацией впереди.

Водитель посигналил охраннику, чтобы тот открыл закрытые ворота, но председатель отругал его.

"Не нажимай на клаксон!".

Он боялся, что звук услышат репортеры, прячущиеся в неизвестных местах. Но разумно было сказать, что в это время здесь не должно быть больше репортеров... Или это была просто его "нечистая совесть"?

Красивые современные электрические ворота медленно двигались перед глазами Эвана Доути, уступая дорогу машине. Но в его глазах она двигалась медленнее улитки. Он немного скучал по железным воротам с арабесками, которые были снесены раньше. Иэн Макдональд открывал ворота руками с силой, как в молодости. Скорость была гораздо выше, чем у этой современной

штуковины, управляемой компьютерной программой!

Когда ворота открылись лишь наполовину, сопровождаемые грохотом, Эван призвал своего водителя прогнать машину. Для него с каждой секундой ожидания здесь становилось все опаснее.

Но он все равно просчитался. Когда его машина только выехала из ворот на самой медленной скорости, группа репортеров появилась из ниоткуда и внезапно возникла по обе стороны и перед машиной.

Водитель испугался и ударил по тормозам.

Теперь он вообще не мог убежать.

Увидев, что машина остановилась, репортеры бросились врассыпную. Они поднесли свои видеокамеры, фотоаппараты и микрофоны к заднему стеклу.

"Мистер Доути! Не могли бы вы поделиться своими мыслями по поводу отставки О'Нила?".

"Тони Твен утверждает, что его уход полностью зависит от вас. У вас есть что ответить на это, мистер Доути?".

"Как вы относитесь к потере двух менеджеров подряд за два месяца?"

"Мистер Доути, не могли бы вы ответить на несколько вопросов? Всего на несколько!"

"Ноттингем Форест" потерял менеджера менее чем за полмесяца до начала турнира лиги. Есть ли у вас новый менеджер?".

"Каково будущее команды? Говорят, что "Реал Мадрид" снова сделал предложение по Джорджу Вуду. Уйдет ли он?"

Бесчисленные вопросы, сопровождаемые вспышками фотокамер, измучили Эвана Даути. Его лицо было жутко белым, освещенным вспышками ламп.

Он попытался изменить выражение лица, чтобы выглядеть лучше, а затем проигнорировал репортеров. Он лишь призвал водителя завести машину, чтобы уехать отсюда.

Когда машина снова завелась, репортеры, блокировавшие ее спереди, отступили и одновременно стали делать снимки. Когда они убедились, что не смогут сделать новые снимки, они уступили дорогу машине.

Темно-красный двигатель Audi издал рокочущий звук, словно его слишком долго подавляли, и вырвался перед репортерами, словно спасаясь бегством.

Фотожурналист нажал на спуск затвора, чтобы запечатлеть хвост автомобиля, который поднял облако пыли.

"Это потрясающее фото. Жалкий на вид председатель клуба мчится на скорости. Будем надеяться, что сегодня ему приснится хороший сон".